

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-144-155

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

А.Б. Шатилов, канд. полит. наук, профессор департамента политологии и массовых коммуникаций, декан факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Ленинградский просп., 49, Москва, Российская Федерация, 125993*

Статья посвящена анализу динамики института политического лидерства во второй половине XX — начале XXI в. Автор рассматривает основные конфликтные линии в “треугольнике” лидер–элита–народ. При этом он приходит к выводу о целенаправленной политике элит ведущих стран мира по ослаблению “персональной” составляющей в политических системах. Первый этап борьбы “правящего класса” против лидеров был связан с размытием полномочий и функционала последних, а также созданием вокруг них плотной аппаратной “оболочки” для предотвращения популистского курса лидеров. Второй этап характеризовался перестройкой властного пространства под формат “акционерного общества”, в котором лидеры обладали лишь “блокирующим”, но не “контрольным” пакетом акций. Наконец, третий этап, который начался совсем недавно, озаглавлен “десакрализацией” института лидерства и, более того, превращением политических лидеров в фейковые и гротескные персоны, что свидетельствует, как минимум, о временной победе элит над своим главным конкурентом. Примечательно, что этот процесс затронул как ведущие западные государства (Франция, Великобритания), так и некоторые постсоветские страны (Украина, Армения).

Ключевые слова: политическое лидерство, элиты, народ, демократия, тоталитаризм, авторитаризм, государство, политическая система, власть, институты.

MODERN POLITICAL LEADERSHIP: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Shatilov Aleksandr B., Cand. Sci. in Political Science, Professor, Dean of the Faculty of Sociology and Political science, Financial University, Leningradsky Prospekt, 49, Moscow, Russian Federation, 125993, e-mail: ashatilov@fa.ru

The article has devoted the analysis of dynamics of the institute of political leadership in the second half of XX — beginning of XXI centuries. The author examines the main conflict line in the triangle: leader–elite–people. At the same time, he comes to a conclusion about the purposeful policy of the elites of the leading countries of the world to weaken the “personal” component in political systems. The first stage of the struggle of the “ruling

* Шатилов Александр Борисович, absh71@yandex.ru, ashatilov@fa.ru

class” against the leaders was associated with the erosion of powers and functionality of the latter, as well as the creation of a dense functionary “shell” around them to prevent the populist course of the leaders. The second stage was characterised by the restructuration of the power space under the format of “joint-stock company”, where the leaders had only a “blocking”, but not a “controlling” block of shares. Finally, the third stage, which began recently, is marked by the “de-sacralisation” of the institute of leadership and moreover the transformation of political leaders into the fake and grotesque person. It indicates, at least, a temporary victory of the elites over their main competitor. Noteworthy, this process affects both the leading Western States (France, Great Britain) and some post-Soviet countries (Ukraine, Armenia).

Key words: *political leadership, elites, people, democracy, totalitarianism, authoritarianism, state, political system, power, institutions.*

На протяжении практически всей истории человечества лидерский фактор играл значимую, а нередко и определяющую роль в политических и социально-экономических процессах государств и народов мира. При этом надо сказать, что и в общественном мнении и в науке зачастую влияние лидеров и вождей в политической системе излишне переоценивалось и переоценивается, поскольку даже в абсолютных монархиях существовали объективные и субъективные “сдержки и противовесы”, ограничивающие их “волюнтаризм” (религиозная догматика, влияние аристократических сообществ, необходимость финансовых заимствований и пр.).

Еще более сложной ситуация стала на рубеже XIX–XX вв., когда “большая политика” в ведущих государствах мира стала выстраиваться в рамках треугольника — лидеры, элиты, народ (избиратель). При этом происходит трансформация этих трех субъектов политического взаимодействия.

Так, патриархальные лидеры уступают место лидерам харизматическим и “охлократическим”. Новые лидеры теряют родовую, традиционную легитимность, но зато приобретают мощную поддержку “снизу”. Прежняя аристократия трансформируется в более консолидированную силу — политико-экономическую элиту. А народ, обретя политические и социальные права, также ощутил себя реальным и статусным политическим актором¹. В итоге практически весь XX в. проходит под знаком жесткого противостояния этих субъектов. Так, лидеры, используя харизматический стиль, стремились мобилизовать народные массы и подчинить себе элиты, выстроив жесткую вертикаль власти. Элиты, маневрируя в рамках указанного “треугольника”, пытались выйти из-под опеки вождей и предпринимали усилия по нейтрализации наиболее жестких политических

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001; Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 2011.

лидеров. Народные массы выступали в качестве мощной, но чаще всего “слепой” силы в проектах лидеров и элит, постепенно подчиняясь воздействию политических технологий. Соответственно, уже к середине прошлого столетия “охлократический” фактор сходит на нет, и на большой политической арене остаются лишь две основные силы — лидеры и элиты. Они конкурировали за влияние в таких сферах, как “кадровые решения, распределение полномочий (должностных и ведомственных) и финансовых ресурсов... модификация политического курса существующих институтов и политического устройства”².

При этом у каждого из вышеуказанных акторов были существенные претензии друг к другу. Так, лидеры были недовольны стремлением истеблишмента являться “фильтром” для решений, спускаемых сверху, а также буфером между руководителем страны и народом. Кроме того, горизонтальные родственные и местнические “корни”, которые пускали элиты, а также сопутствующая им коррупция, снижали эффективность и оперативность решений, принимаемых лидерами. Существовали и субъективные противоречия между лидерами и элитами. Если первые хотя бы в силу своего положения были “национально ориентированы”, то вторые тяготели к космополитизму и наднациональному взаимодействию с зарубежными “коллегами”.

В свою очередь, элиты, обладавшие управленческими талантами, не были склонны становиться “винтиками” в государственной машине и пытались сохранить свои независимость, статус и реальное влияние на большую политику. Также резонные опасения элит вызывали репрессивные практики лидеров, которые в основном были направлены на обеспечение лояльности и эффективности на внутриполитическом поле и били в основном по “правлящему классу”. Особо стоит сказать о том, что в государствах лидерского типа очень часто элиты подвергаются плановым и стихийным ротациям, что для них, тяготеющим к наследственности и незыблемости, является откровенным вызовом. При этом «противодействие росту влияния бюрократического аппарата таит в себе опасность для самой демократии, так как является стимулом для усиления у лидера жажды власти, превращения его в “плебисцитарного диктатора”», — отмечает французский политолог Мишель Камо³.

² Зудин А.Ю. Распределение источников влияния на принятие властных решений в современной России // Элиты и общество в сравнительном измерении. М., 2011.

³ Камо М. Политическое лидерство между авторитаризмом и демократией // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14. № 2 (71–72). С. 152–168.

Что же касается народных масс, то невзирая на периодическое тяготение к охлократии и прямой демократии они всегда тянулись к сильным, “образцовым” личностям. Поэтому традиционно воспринимали элиты как необязательный и даже вредоносный элемент политической системы, мешающий “гармоничному единению Царя и народа”. При этом отношение рядовых граждан к лидеру было также непостоянным. Период его культа нередко сменялся периодом охлаждения, а потом периодом отрицания и проклятия.

Межвоенный период 1920–1940-х гг. сильно подмочил репутацию политического лидерства как общественного феномена и испортил ему общую политическую конъюнктуру.

Во-первых, поражение “персонифицированных” диктатур в Германии и Италии задало тренд на общую “демократизацию” политической жизни и деконцентрацию власти. Это сыграло на руку элитам в плане жесткой критики системы единоличного правления, “волюнтаризма” и “культа личности”, а также продвижения идей правового и политического ограничения власти лидеров.

Во-вторых, все преступления тоталитарных режимов элиты целенаправленно “переписали” на поверженных лидеров, косвенно скомпрометировав сам принцип эффективного и сильного руководства.

Против лидеров играло также усложнение политического и социально-экономического устройства ведущих государств мира, начавшееся во второй половине XX столетия. В таких условиях даже самые сильные и продвинутые лидеры не могли обойтись без элитной поддержки и серьезного аппаратного сопровождения своей деятельности. Это также объективно размывало полномочия высшей власти и способствовало дисперсии управленческих полномочий.

Такого рода сложившейся конъюнктурой активно пользовались элиты, которые с 1940–1950-х гг. начали медленное и постепенное, но мощное и комплексное наступление на политические позиции лидеров. Можно выделить три этапа подобной “игры на понижение” в отношении “персональных” акторов.

Первый этап охватывает период 1946–1985 гг., т.е. фактически совпадает с периодом холодной войны. В условиях глобального и жесткого противостояния систем подрывать позиции политических лидеров элитам и западного и восточного блоков было нецелесообразно — мобилизация населения на борьбу с внешним врагом требовала харизматической подпитки и демонстрации “сильной личности” во главе государства. В противном случае можно было бы проиграть “большую схватку”. Поэтому борьба элит с лидерами в это время шла в “подковерном” режиме и выражалась в основном в ограничении индивидуальной активности руководителей государств

различного рода формальными и неформальными практиками разработки, принятия, согласования и утверждения принимаемых ими решений. Мотивировалось это, с одной стороны, требованиями соблюдения демократии и коллегиальности, с другой — профессиональной целесообразностью и необходимостью “шлифовки” руководящих документов. Кстати, требования “размывания” и ограничения полномочий лидеров являлись составной частью либерального проекта “демократического транзита”, который стал реализовываться западными элитами с 1960-х гг. Как отмечал британский политолог и историк Арчи Браун, “есть достаточные основания для вывода, что коллегиальное, инклюзивное и коллективное лидерство в гораздо большей степени способствует успешному переходу к демократии, чем высокая концентрация власти в руках одного лица, находящегося на вершине политической иерархии”⁴.

Кроме того, уже в послевоенный период начинается формирование в рамках элит четко очерченных политико-экономических сообществ (также в них принимали участие представители культурной и медиа-элиты), целью которых было лоббирование выгодных для них самих ресурсоемких проектов и решений, а также пресечение “волюнтаристской” активности лидеров путем латентного аппаратного сопротивления и создания необходимой атмосферы общественного мнения.

Причем данная “олигархизация” элит коснулась не только “плюралистических” США и их союзников, но и “недемократического” Советского Союза. Так, несмотря на декларируемое единство КПСС, отсутствие в ней официально существующих фракций и групп, наличие унифицированной точки зрения по всем базовым вопросам истории и современного бытия, реального единства как такового не было. После Великой Отечественной войны и особенно после смерти И.В. Сталина происходит идеологическая дифференциация в компартии, связанная с образованием внутри нее четырех условных течений — “консерваторов”, “либералов”, “сталинистов”, “почвенников”. Каждое из них имело своих представителей в Политбюро, обладало поддержкой части партийного аппарата, контролировало отдельные популярные СМИ. При этом наиболее мощными были первые два сообщества, которые невзирая на имевшиеся идеологические разногласия были едины в одном — желании не допустить появления в СССР нового сильного лидера-харизматика, которому по силам провести масштабные кадровые чистки по образцу 1937–1939 гг. Именно их совместными усилиями в начале правления Л.И. Брежнева, в

⁴ Браун А. Политическое лидерство и политическая власть // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 104–120.

1966 г., была пресечена попытка реабилитировать И.В. Сталина — в проект доклада Генерального секретаря к XXIII съезду КПСС были внесены положения “о волюнтаристских извращениях Хрущевым истории КПСС и социалистического строительства в СССР”, “о субъективном отношении Хрущева к Сталину” и пр. Но ввиду утечки информации либеральной и консервативной группировкам советской элиты удалось предпринять превентивные меры. Примечательно, что среди противников реабилитации “сталинизма” был даже главный идеолог КПСС М.А. Суслов. Одновременно элитами был оперативно организован протест либеральной интеллигенции (“антисталинистское” обращение подписали академики П.Л. Капица, И.Е. Тамм, писатели В.П. Катаев, К.Г. Паустовский, народные артисты О.Н. Ефремов, И.М. Смоктуновский, Г.А. Товстоногов и др.)⁵, а также ряда европейских (югославской, чехословацкой и др.) компартий. В итоге текст был купирован и из него были изъяты нежелательные для элиты политические фрагменты.

Не менее активно действовали в отношении своих политических лидеров и западные элиты. Так, например, их усилиями были скомпрометированы и повержены такие сильные руководители, как популярный президент США Ричард Никсон (впервые в истории США был вынужден покинуть пост под угрозой импичмента в результате провокационного “уотергейтского” скандала), который инициировал политику разрядки международной напряженности в отношении СССР и КНР, и легендарный генерал Шарль де Голль (ему не простили изменения электорального законодательства в плане введения прямых выборов президента Франции, жесткого подавления “студенческой революции”, а также феноменальной абсолютной победы голлистов на выборах 23–30 июня 1968 г.). Более того, в случае с де Голлем к внутренним противникам французского президента примкнули противники внешние — финансовые круги США, недовольные его игрой против доллара и, следовательно, ФРС США. Кстати, “антидолларовая” политика совсем трагично завершилась и для американского президента Джона Кеннеди. Именно ему, пользуясь лазейкой в американском законодательстве, удалось в 1963 г. пролоббировать эмиссию двух- и пятидолларовых банкнот (на общую сумму около 4 млрд долларов) в качестве “альтернативы” банкнотам, выпускавшимся под эгидой Федеральной резервной системы. Причем планировалось расширять государственную эмиссионную деятельность⁶, однако вскоре Кеннеди был убит в результате покушения в Далласе и статус-кво был восстановлен в пользу ФРС.

⁵ <https://philologist.livejournal.com/7510863.html>

⁶ Энгдаль У.Ф. Невидимая рука... банков. М., 2018.

Второй этап большой политической игры элит против лидеров начался с конца 1980-х гг. и продолжался примерно до 2017 г. Он характеризовался, с одной стороны, “зачисткой” авторитарных и харизматических лидеров, особенно в тех странах, руководители которых выступали с “антизападных” позиций. Так, в результате комплексного давления изнутри и извне пали “харизматические” режимы С. Милошевича в Югославии, М. Каддафи в Ливии, С. Хусейна в Ираке, Р. Мугабе в Зимбабве и др. Одновременно под мощным прессингом оказались лидеры Кубы, Венесуэлы, Ирана, КНДР, Сирии, Бразилии. Более того, западные элиты не пощадили даже своих союзников: с их подачи были отстранены от власти лидеры “партнерских” авторитарных режимов А. Пиночет в Чили и Х. Мубарак в Египте.

В то же время, данный период характеризуется перераспределением властных полномочий в политических системах ведущих государств мира в пользу элит с сокращением управленческого функционала лидеров. Это стало возможно в связи с реструктурированием власти по модели “акционерного общества”, в котором лидеры (руководители государств) уже не имели “контрольного пакета”, а довольствовались лишь пакетом “блокирующим” (в диапазоне от 15 до 35%) и для продвижения значимых политических и социально-экономических инициатив были вынуждены создавать коалиции с различными элитными сообществами. Такие расклады фактически исключали автономность и самостоятельность деятельности политических лидеров и фактически обязывали их согласовывать свою активность с элитами. Соответственно, с подачи элит в западной политологической литературе и общественном мнении уже с 1980-х гг. наблюдается стремление понизить статус политического лидера до уровня “топ-менеджера”⁷. Как отмечает Л.Б. Зубанова, “тип лидера-менеджера оказывается лишенным именно искомой духовно-идеологической нагрузки, и как бы переносит внимание с вопросов стратегического характера на тактику реализации уже заявленных целей”⁸.

Более того, как пишет В.А. Мирзоян: «согласно теоретикам “совместного” или “разделенного” лидерства (Shared Leadership), лидер — это не тот, кто лучше других видит общие цели и направляет их действия на реализацию этих целей. Лидерство — общее явление,

⁷ Шкурко О.В. Соотношение понятий “лидерство” и “руководство”: современный взгляд на проблему // Омский научный вестник. 2011. № 1 (95). С. 100–103.

⁸ Зубанова Л.Б. Лидерство XXI века: проблемы и перспективы интеграции социокультурного пространства // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 3 (19). С. 86–98.

вид межличностного общения, в рамках которого участники получают возможность обнаруживать свою способность воздействовать на поведение других. Фактически, лидер тут — не в единственном числе: все вместе одновременно являются лидерами». При этом «идея “разбивки” лидер-личности на лидер-группу соответствует основным концептам постмодернистской философии, в частности, обоснованию необходимости децентрализации управления, отрицанию стабильных принципов и правил, замене причинно-следственных связей сетевой реальностью, совместного принятия решений вместо единоличного и др.»⁹

Более того, зачастую элиты латентно или открыто играли на снижение общественной поддержки национальных лидеров, втягивая их в различного рода непопулярные проекты и реформы. Если брать российский опыт, то тут можно вспомнить Б. Ельцина, легко выигравшего президентские выборы 12 июня 1991 г. уже в первом туре с результатом 57%, но уже через год, после начала “шоковой терапии” потерявшего широкую поддержку населения. Как отмечал экс-губернатор Ярославской области А.И. Лисицын, “возмущение и протесты россиян были использованы политическими противниками Ельцина как главный аргумент его экономического провала”¹⁰. При этом можно сказать, что его подставило собственное либерально-демократическое окружение, инициировав радикальные реформы, но возложив ответственность за социально-экономические провалы “лихих 90-х” именно на Ельцина. Как писал в своей книге В.В. Федоров: “Уйдя от популистской модели лидерства, Ельцин совершил весьма рискованный политический шаг... После того, как он решил идти наперекор общественному запросу, его дальнейшая политическая судьба была предрешена. Из героя он в одночасье превратился в антигероя”¹¹. Нечто подобное наблюдалось и в 2018–2019 гг., когда вынужденная поддержка непопулярной пенсионной реформы стоила В. Путину около 20% рейтинга доверия¹².

Третий этап дезавуации политических руководителей как национальных (народных) лидеров латентно начался еще в “нулевые”. В этом плане можно отметить политику элит по “десакрализации” и “глумлению” как над самими лидерами, так и политическим лидерством как институтом. Применительно к США можно отметить

⁹ Мирзоян В.А. Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 3–15.

¹⁰ Лисицын А., Миклин А. Либеральная революция в России. Изнанка. М., 2009.

¹¹ Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М., 2010.

¹² <https://www.kommersant.ru/doc/3759662>

карикатуризацию имиджа Джорджа Буша-младшего, которого не-олибертарианские СМИ выставляли в качестве малообразованного недоумка¹³. Избрание на пост президента политически бессубъектного афроамериканца Барака Обамы также укладывается в этот тренд — всем были очевидны его аппаратная слабость, отсутствие у него реальных властных полномочий и полная зависимость от своего окружения и “аристократии” Демократической партии. Еще более жесткая атака на президента США началась после сенсационного избрания на этот пост выдвиженца “ржавого пояса” (фактически коренной американской “глубинки”) Дональда Трампа. Американские элиты были обеспокоены его популистским стилем и попыткой наладить прямые коммуникации с гражданским обществом, минуя истеблишмент. Поэтому с 2016 г. Трамп находится под жестким (при этом управляемым) имиджевым прессингом со стороны СМИ, экспертного сообщества и соцсетей. И опять же наблюдается стремление его оппонентов не столько вступать с ним в политическую полемику, сколько подвергать остракизму путем создания общего негативного восприятия как потенциального “диктатора”, “агента Москвы”, “политического клоуна”¹⁴.

Во Франции и Великобритании элитам вообще удалось добиться “фейковости” своих политических лидеров и, более того, приучить граждан, что это вполне нормальное и современное явление.

Так, на смену респектабельным М. Тэтчер, Т. Блэру, Ф. Миттерану, Ж. Шираку и другим солидным политикам 1980–1990-х гг. сперва приходят невзрачные персоны, не обладающие харизматическим влиянием на массы (Д. Кэмерон, Н. Саркози, Ф. Олланд), а позже вообще фейковые и практически карикатурные персонажи вроде Э. Макрона, Т. Мэй и Б. Джонсона, которые эпатировали и эпатируют европейскую общественность экстравагантным и скандальным поведением. При этом за данными персонажами находятся весьма влиятельные политико-экономические силы. Как пишет биограф действующего французского президента А. Фульда, за продвижением Э. Макрона на властный Олимп стояла “французская номенклатура” — представители интеллектуальной, политической и экономической элиты¹⁵. Тем самым в Великобритании и Франции лидерский фактор фактически был сведен на нет, а руководящие посты перестали быть “персональными”, превратившись в функциональные (а иногда и имитационные) аппаратные должности. Соответственно, элиты в

¹³ Рогозинникова Ю.В. Образы президентов России и США в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 87–100.

¹⁴ <https://moluch.ru/archive/212/51850/>

¹⁵ Fulda A. Emmanuel Macron: un jeune homme si parfait. P., 2017.

этих странах одержали полную победу над своими традиционными оппонентами — политическими лидерами.

Но самым образцовым примером с точки зрения апробации технологий деструкции принципа политического лидерства является Украина. Избрание в 2019 г. ее президентом телевизионного персонажа, шоумена Владимира Зеленского ознаменовало перенос “анти-лидерской” войны на территорию постсоветского пространства. Невзирая на отсутствие политического и экономического опыта, национальную “нетитульность”, “легковесность” и “виртуальность” имиджа, во втором туре он получил у избирателей рекордную поддержку более 73%. И это при том, что граждане Украины понимали всю марионеточность “слуги народа”, его полную зависимость от И. Коломойского и “днепропетровского клана”. Тем не менее, протестное голосование по принципу “лишь бы не за Порошенко” привело на президентский пост вполне “липового” и “фейкового” лидера, задача которого — развлекать и эпатировать публику, в то время как стоящие за ним “серьезные” элиты будут принимать реальные и ресурсоемкие политические и бизнес-решения¹⁶. Не исключено, что отработанные технологии создания “президента Зе” далее будут продвигаться как в бывших республиках СССР (например, в России, Молдове, Грузии, Киргизии, Азербайджане), так и в странах “дальнего зарубежья”.

В то же время нельзя не отметить, что в постсоветских странах “снизу” до сих пор существует, а где-то и укрепляется запрос на сильного “народного” лидера. Например, в Венгрии активной поддержкой граждан вот уже десять лет пользуется популистская политика премьер-министра Виктора Орбана¹⁷. В России и Белоруссии высоки рейтинги доверия президентам Владимиру Путину и Александру Лукашенко. Более того, опросы общественного мнения россиян демонстрируют их симпатии к режиму “железной руки” в условиях жесткого внешнеполитического давления со стороны Запада и определенного “морального износа” российской бюрократии. В частности, это косвенно выражается в росте позитивных оценок государственной деятельности И.В. Сталина. Так в 2019 г. “Левада-центр” зафиксировал рекордный результат положительных оценок этой исторической фигуры: «В 2019-м году суммарные оценки поло-

¹⁶ Жаданова В.В., Широкобоков А.Н. Юмор как средство политического дискурса: от медийной персоны до кандидата в президенты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. Т. 24. № 1. С. 109–116.

¹⁷ <https://rg.ru/2018/04/09/viktor-orban-v-chetvertyj-raz-stanet-premerom-vengrii.html>

жительного отношения жителей России (“восхищение”, “уважение” и “симпатия”) к Сталину достигли максимального показателя за все годы исследований — их демонстрировал каждый второй участник опроса. За последний год наиболее значительный рост на 12 п.п. пришелся на “уважение” к вождю, которое стало доминантой среди предложенного для выбора спектра чувств»¹⁸. С учетом вышеизложенного, можно констатировать, что элитам не удалось полностью справиться с “лидерскими иллюзиями” населения и “лидерскими амбициями” руководителей. Поэтому противоборство между этими субъектами “большой политики” в перспективе продолжится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Браун А. Политическое лидерство и политическая власть // Политические исследования. 2016. № 1. С. 104–120.

Жаданова В.В., Широкобоков А.Н. Юмор как средство политического дискурса: от медийной персоны до кандидата в президенты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. Т. 24. № 1. С. 109–116.

Зубанова Л.Б. Лидерство XXI века: проблемы и перспективы интеграции социокультурного пространства // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 3 (19). С. 86–98.

Зудин А.Ю. Распределение источников влияния на принятие властных решений в современной России // Элиты и общество в сравнительном измерении. М., 2011.

Камо М. Политическое лидерство между авторитаризмом и демократией // Личность. Культура. Общество. 2012. № 2 (71–72). С. 152–168.

Лисицын А., Миклин А. Либеральная революция в России. Изнанка. М., 2009.

Мирзоян В.А. Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 3–15.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 2011.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001.

Рогозинникова Ю.В. Образы президентов России и США в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 87–100.

Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М., 2010.

Шкурко О.В. Соотношение понятий “лидерство” и “руководство”: современный взгляд на проблему // Омский научный вестник. 2011. № 1 (95). С. 100–103.

Энгдаль У.Ф. Невидимая рука... банков. М., 2018.

REFERENCES

Braun A. Politicheskoe liderstvo i politicheskaya vlast' [Political leadership and political power] // Politicheskie issledovaniya. 2016. N 1. S. 104–120 (in Russian).

¹⁸ <http://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>

Engdal' U.F. Nevidimaya ruka... bankov [The invisible hand ... of banks]. M., 2018 (in Russian).

Fedorov V.V. Russkij vybor. Vvedenie v teoriyu elektoral'nogo povedeniya rossiyan [Russian choice. Introduction to the theory of electoral behavior of Russians]. M., 2010 (in Russian).

Fulda A. Emmanuel Macron: un jeune homme si parfait. P., 2017.

Kamo M. Politicheskoe liderstvo mezhdru avtoritarizmom i demokratiej [Political leadership: between authoritarianism and democracy] // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2012. N 2 (71–72). S. 152–168 (in Russian).

Lisicyn A., Miklin A. Liberal'naya revolyuciya v Rossii. Iznanka [Liberal revolution in Russia. Wrong side]. M., 2009 (in Russian).

Mirzoyan V.A. Upravlenie i liderstvo: sravnitel'nyj analiz teorij liderstva [Management and leadership: a comparative analysis of leadership theories] // Voprosy filosofii. 2013. N 6. S. 3–15 (in Russian).

Moskovichi S. Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psihologii mass [Age of crowds. Historical treatise on mass psychology]. M., 2011 (in Russian).

Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass [Revolt of the masses]. M., 2001 (in Russian).

Rogozinnikova Yu.V. Obrazy prezidentov Rossii i SSHA v politicheskoy karikature [Images of the presidents of Russia and the United States in political cartoons] // Politicheskaya lingvistika. 2018. N 2 (68). S. 87–100 (in Russian).

Shkurko O.V. Sootnoshenie ponyatij "liderstvo" i "rukovodstvo": sovremennyy vzglyad na problem [The relationship between the concepts of "leadership" and "management": a modern view of the problem] // Omskij nauchnyj vestnik. 2011. N 1 (95). S. 100–103 (in Russian).

Zhadanova V.V., Shirokobokov A.N. Yumor kak sredstvo politicheskogo diskursa: ot medijnoj persony do kandidata v prezidenty [Humor as a means of political discourse: from a media person to a presidential candidate] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2019. T. 24. N 1. S. 109–116 (in Russian).

Zubanova L.B. Liderstvo XXI veka: problemy i perspektivy integracii sociokul'turnogo prostranstva [Leadership of the XXI century: problems and prospects for the integration of socio-cultural space] // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2009. N 3 (19). S. 86–98 (in Russian).

Zudin A.Yu. Raspredelenie istochnikov vliyaniya na prinyatie vlastnyh reshenij v sovremennoj Rossii [Distribution of sources of influence on decision-making in power in modern Russia] // Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii. M., 2011 (in Russian).